УДК 353.2(476)(091)«18/19»

А. А. СТРАЛЕНЯ

ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В МИНСКОЙ, МОГИЛЕВСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИЯХ (конец XIX – начало XX в.)

Сделана попытка изучить подготовку введения института земских начальников в Минской, Витебской и Могилевской губерниях в конце XIX – начале XX в., так как эта тематика остается малоизученной. В белорусской историографии она представлена лишь косвенно, несмотря на значимость для анализа социально-политических процессов в Беларуси в конце XIX – начале XX в. Отражена роль местной власти при разработке проекта введения института земских начальников в Минской, Витебской и Могилевской губерниях в конце XIX – начале XX в. Показаны особенности введения должности земских начальников в белорусских губерниях. Анализируется попытка совмещения в руках земских начальников административной и судебной власти и функций надзора за волостными судами. Делается вывод о причинах промедления при распространении закона о земских начальниках на белорусские губернии.

Ключевые слова: земские участковые начальники; административно-судебные учреждения; белорусские губернии.

An attempt was made to study the preparation for the introduction of the institute of district captains in Minsk, Vitebsk and Mogilev provinces in the late XIX – early XX century, as this topic remains insufficiently studied. In Belarusian history it is represented only indirectly, in spite of the importance for the analysis of the socio-political processes in Belarus in the late XIX – early XX century. The role of local authorities in the development of the project introducing the institution of district captains in Minsk, Vitebsk and Mogilev provinces in the late XIX – early XX century is reflected. The features of the introduction of the district captains position in Belarusian provinces are shown. An attempt to combine in the hands of district captains of administrative and judicial authorities and supervision over parish courts is analysed. In the result the conclusion of the reasons for delaying in the propagation of the law on district captains on the Belarusian provinces is made.

Key words: district captains; administrative and judicial institutions; the Belarusian province.

Введение института земских начальников является отражением политической ситуации, которая сложилась в период правления Александра III. Деятельность земских начальников остается малоизученной темой. В белорусской историографии она представлена лишь косвенно в монографии С. М. Самбук, где введение земских начальников рассматривается как реакционная мера в период правления Александра III. В российской историографии изучение института земских начальников началось в дореволюционный период исследователями В. А. Беэром, В. М. Гессеном, А. А. Корниловым, они дают общую характеристику новой власти и не затрагивают особенности введения и деятельность земских начальников на территории белорусских губерний. Более детально материал по истории разработки и принятия Положения 12 июля 1889 г. изложен в работах советских исследователей П. А. Зайончковского и Г. А. Джаншиева. В них институт земских начальников рассматривался как контрреформа Александра III. На современном этапе к теме функционирования земских начальников обращались российские авторы Н. А. Бузанова и Н. В. Башкирева в рамках диссертационных исследований.

В данной статье сделана попытка изучить подготовку и особенности введения института земских начальников в Минской, Витебской и Могилевской губерниях.

Во внутренней политике Александра III особое значение имело усиление многосторонней опеки над крестьянством. Это было вызвано отсутствием необходимого контроля в отношении сельских и волостных должностных лиц после ликвидации должности мировых посредников. Кроме того, многочисленными были факты произвола органов крестьянского самоуправления, взяточничества, кумовства, пьянства на сходах. Ситуация усложнялась отсутствием действенного контроля со стороны губернских и уездных по крестьянским делам присутствий, что привело к появлению различных правительственных и общественных проектов по упорядочению крестьянской жизни. Проект, который был взят за основу реформы, разработан особой комиссией под председательством статс-секретаря М. С. Каханова. Комиссия должна была выработать законопроекты о преобразовании губернских и уездных административных учреждений, а также о соответственном изменении учреждений земских, городских и крестьянских. Одним из острых вопросов было совмещение в руках участковых начальников судебной и административной власти. Это разделило комиссию на меньшинство, которое доказывало необходимость подобного совмещения, и большинство, выступавшее против этого. Отстаивая свою позицию, меньшинство комиссии во главе с А. Д. Пазухиным утверждало, что мысль о совмещении судебной и административной власти возникла именно в среде различных земств[1]. Один из сторонников мнения меньшинства при обсуждении необходимости подобного совмещения приводил следующие доводы: «Упразднением должности мирового судьи найден будет счастливый исход для улучшения местного управления, не обременяющий притом население новыми налогами. В этом исходе за не выработкою вообще руководящих для наших занятий начал я усматриваю пока единственную светлую точку в деле упорядочения местного управления для блага населения»[2]. Большинство комиссии М. С. Каханова отклонило это предложение, объясняя свою позицию тем, что совмещение судебных и административных функций невозможно потому, что, в свою очередь, было связано с тем, что суд должен руководствоваться принципами законосообразности, а администрация – соображениями целесообразности[3]. Из-за разногласий комиссия была закрыта до окончания своей деятельности. Министерство внутренних дел взяло разработку реформы в свои руки. А. Д. Пазухин после закрытия комиссии возглавил канцелярию Министерства внутренних дел и стал проводником в высших административных кругах стремлений и взглядов меньшинства комиссии М. С. Каханова.

Закон о введении земских начальников был утвержден Александром III 12 июля 1889 г. Его составляли четыре взаимодополняющих документа: Положение о земских участковых начальниках, Правила

об устройстве судебной части в местностях, в коих введено означенное Положение, Временные правила о волостном суде в тех же местностях и Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках. Согласно закону должность земских участковых начальников должна была постепенно вводиться во всех губерниях, где уже действовали земские учреждения, также в Астраханской, Оренбургской и в 5 уездах Вологодской губернии.

На территории Минской, Могилевской и Витебской губерний закон о введении земских начальников был распространен 12 июня 1900 г.[4] В 1903 г. должность земских начальников была введена в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях, где институт мировых посредников продолжал существовать практически до введения новой должности. Особенностью введения института земских начальников в белорусских губерниях было отсутствие органов земского самоуправления. Кроме того, в белорусской деревне социальный состав отличался более сложной структурой, население было многонациональным, поликонфессиональным. В крестьянской среде белорусских губерний выделялись чиншевики, лица, происходящие из мелкой шляхты, православные арендаторы, старообрядцы, мещане, ремесленники и цеховые. Это отразилось на деятельности земских начальников и увеличило количество дел, которые подлежат их рассмотрению.

Подготовка к приведению в действие Положения 12 июля 1889 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях началась в 1893 г. после того, как министр внутренних дел И. Н. Дурново обратился к минскому губернатору Н. Н. Трубецкому с предложением высказать свое мнение о введении в Минской губернии института земских начальников[5]. С подобным предложением министр обратился и к губернаторам витебскому и могилевскому.

Минский губернатор в своем обращении на имя министра внутренних дел от 2 марта 1894 г. указал, что введение в Минской губернии новой власти не только не встретит никаких затруднений, но и окажет положительное влияние на весь ход крестьянского дела в губернии. Введение земских участковых начальников, по мнению губернатора, позволит более качественно решать вопросы крестьянского управления, поскольку непременные члены по крестьянским делам присутствия из-за большого количества обязанностей не могут вникать в подробности крестьянской жизни[6]. Главным недостатком существовавших крестьянских учреждений Н. Н. Трубецкой считал отсутствие полномочий судебной власти у непременных членов крестьянских присутствий, что приводило к своеволию и неуважению крестьян к чужой собственности и власти. Земские начальники должны более оперативно решить эти вопросы, поскольку они наделены более широкими полномочиями и совмещают в своих руках как административную, так и судебную власть. Новая власть должна довести до конца приведение в исполнение выкупных актов, которое сопряжено с постоянными судебными разбирательствами между крестьянами с помещиками.

Однако Н. Н. Трубецкой отметил, что в Минской губернии проживало незначительное количество поместного дворянства. Большинство землевладельцев губернии «лица польского происхождения», русские же землевладельцы, по словам губернатора, не живут в своих имениях[7]. По этой причине порядок назначения земских начальников должен осуществляться из лиц, не принадлежащих к числу местных дворян, но окончивших курс в одном из высших или средних учебных заведений Российской империи. При этом губернатор отметил, что недостатка в претендентах, которые удовлетворяют этому критерию, не будет[8]. Губернатор предлагал разделить Минскую губернию на 67 участков из-за обширности территорий и значительного количества еврейского населения в деревнях, которое было более грамотным. Еврейское население разъясняло крестьянам их права, помогало в составлении жалоб и исковых заявлений в судебные инстанции.

Могилевский губернатор Н. А. Зиновьев также направил свое мнение о введении института земских начальников во вверенной ему губернии, в котором к тому же он считал необходимым расширить круг деятельности земских начальников[9]. К функциональным обязанностям земских начальников должны перейти полномочия по обеспечению страхования сельских строений вместе с добровольным страхованием. Земский начальник также должен заведовать обеспечением населения продовольствием, выдачей ссуд и пособий в случае пожара или неурожая. Контроль над этим был возложен на уездных предводителей дворянства, которые зачастую ограничивались передачей ходатайства сельских обществ на рассмотрение Комиссии народного продовольствия без проверки их основательности. Земские начальники должны были взять под контроль вопросы по исполнению населением воинской повинности. Могилевский губернатор считал, что земских начальников необходимо включать в состав уездного присутствия по воинской повинности[10].

К обязанностям земских начальников, по мнению могилевского губернатора, должно перейти и поземельное устройство старообрядцев, сельских вечных чиншевиков, православных арендаторов. Н. А. Зиновьев предложил возложить на земских начальников обязанности по составлению планов устройства и переустройства[11].

Министр внутренних дел посчитал необходимым уточнить вопрос о количестве участков земских начальников и городских судей. При рассмотрении этого вопроса необходимо иметь в виду, что количество волостей в одном участке должно составлять от 3 до 6, количество душ мужского пола – от 10 до 15 тыс., при этом необходимо учитывать местные особенности[12].

Вопросы по введению института земских начальников в Минской губернии были вынесены на рассмотрение минского губернского по крестьянским делам присутствия. На заседании 1 сентября 1895 г. было

поддержано предложение разделить Минскую губернию на 67 земских участков. Должность городского судьи, по предложению губернского присутствия, должна быть введена в Минске, Бобруйске и Пинске[13].

До 1898 г. подготовка проекта введения должности земских начальников в Минской, Витебской и Могилевской губерниях практически не осуществлялась. Только 10 февраля 1898 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин направил письмо минскому губернатору с просьбой высказать свое мнение и предоставить заключение[14]. На заседании минского губернского по крестьянским делам присутствия 12 марта 1898 г. была высказана мысль о том, что отделение административной власти от судебной не оправдывает себя для управляющих в деревне. Земским начальникам, по мнению губернского присутствия, необходимо предоставить право судебного разбора, поскольку «с введением администраторов-судей население губернии, в особенности сельское, приобретет твердую правительственную власть, к которой и будет иметь всегда свободный доступ по своим делам, без тех сложных формальностей, коим обставлен нынешний процессуальный порядок, а главное без всякого посредничества адвокатов и без значительной проволочки во времени»[15]. Было предложено избирать кандидата на должность земского начальника, который в случае болезни или смерти может его заменить[16]. Министерство внутренних дел на основании ответа губернаторов пришло к выводу о необходимости введения в Минской, Витебской и Могилевской губерниях должности земского начальника. Единственным недостатком проведения реформы было названо небольшое количество в крае русского поместного дворянства.

Противоположное мнение высказал министр юстиции Н. В. Муравьев. В проекте «О кредитах потребных на содержание судебных установлений, образуемых на основании законоположений 12 июля 1889 г. в губерниях Минской, Витебской и Могилевской» от 15 марта 1899 г. министр юстиции высказал мысль о многочисленных затруднениях, которые могут возникнуть при распространении института земских начальников на белорусские губернии. Н. В. Муравьев считал отсутствие в крае поместного дворянства существенным недостатком. Он упомянул о взглядах инициатора реформы графа Д. А. Толстого, который придавал большое значение именно поместному дворянству при проведении реформы. По мнению министра юстиции, вопрос о целесообразности введения положения должен вызвать серьезные сомнения. В своем проекте Н. В. Муравьев приводит мнение Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора А. П. Игнатьева, который считал, что введение должности земских начальников не вполне удовлетворяет местным условиям края. Причину этого генерал-губернатор видел в том, что между «крестьянами и помещиками (даже русскими) нет той выработанной веками, исторически сложившейся связи, которая существует между классами во внутренних губерниях империи и которая побудила правительство вверить дворянам попечительство над интересами сельского населения»[17]. А. П. Игнатьев подчеркнул, что деятельность местных органов крестьянского управления носит в значительной степени политический характер и требует особого такта. Среди недостатков введения Положения от 12 июля 1889 г. он назвал попечительство земских начальников не только над крестьянами, но и над другими категориями сельских обывателей, что сильно усложнит их административную деятельность. Одна из главных идей о соединении в руках земских начальников административной и судебной власти не сможет быть полностью реализована из-за большого количества дел. Подобное количество дел, по мнению генерал-губернатора, вызвано значительным процентом еврейского населения в крае. Министр юстиции, исходя из вышеизложенных фактов, высказался против введения в Минской, Витебской и Могилевской губерниях Положения о земских участковых начальниках[18]. Он предложил восстановить должность мировых посредников и преобразовать волостной суд на основании временных правил 1889 г.

Еще одной причиной разногласий между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции стало количество земских и городских участков в Минской губернии. Министр юстиции указал на некачественную работу над проектом о проведении реформы со стороны местных губернаторов. По установленным правилам все местные распоряжения по проведению реформы возлагаются в каждой губернии на губернатора, временные губернские и уездные комитеты с участием представителей судебного ведомства. Этот порядок был нарушен в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, где проект о проведении реформы рассматривался только губернскими по крестьянским делам присутствиями, по этой причине многие стороны предстоящей реформы остались недостаточно разработанными. В качестве примера он приводит вопрос о числе городских судей и о пределах их участков, который рассматривался без участия самих судей, а также вопрос об организации суда и управления в еврейских местечковых поселениях. Возник спор по поводу уездных городов Новогрудка, Речицы, Мозыря и Игумена, а также заштатных городов Несвижа и Докшиц. В проектах Министерства внутренних дел и минского губернского по крестьянским делам присутствия на эти города распространялась юрисдикция земских начальников. Минскому губернатору князю Н. Н. Трубецкому было направлено конфиденциальное письмо от управляющего земским отделом МВД Г. Г. Савича, в котором сообщалось, что министр юстиции Н. В. Муравьев настаивал на необходимости введения в этих городах должности городского судьи. Спорный вопрос о введении в уездных городах должности городского судьи был вынесен на осеннюю сессию Государственного совета в 1899 г., где предполагалось рассмотрение проектов Министерства внутренних дел и Министерства юстиции о распространение Положения 1889 г. на Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии.

По приказу министра внутренних дел И. Л. Горемыкина 23 июля 1899 г. был создан Минский губернский комитет по приведению в действие Положения о земских участковых начальниках под председа-

тельством губернатора[19]. На местах создавались временные уездные комитеты во главе с уездными предводителями дворянства. Минский губернский комитет должен был предоставить в Министерство внутренних дел отчет о количестве земских участков, о введении в уездных городах должности городского судьи и о распространении юрисдикции земских начальников на такие категории сельского населения, как вечные чиншевики, православные арендаторы, бывшая польская шляхта, единоверцы и старообрядцы. Задачей уездных комитетов стал сбор максимально полных данных по городам и местечкам.

10 сентября 1899 г. состоялось заседание Минского временного губернского комитета. При обсуждении вопроса о количестве земских либо городских участков комитет пришел к выводу, что «все местечки Минской губернии, кроме находящегося в Новогрудском уезде Разводово или Барановичи, могут быть включены в состав земских участков». Причинами подобного решения стало незначительное количество населения в местечках. Из 109 местечек только в Койданово и Мире население превышает 10 тыс. чел. По мнению временного губернского комитета, только местечко Разводово может быть включено в состав участка городского судьи[20].

При обсуждении вопроса о подсудности волостному суду евреев, лиц, происходящих из бывшей польской шляхты, вечных чиншевиков, арендаторов православного вероисповедания, старообрядцев и единоверцев, мещан, ремесленников и цеховых, временный губернский комитет высказал мнение, что все они, за исключением евреев, должны подчиняться решениям волостного суда, так как по образу жизни не отличаются от крестьян.

Государственным советом 12 июня 1900 г. было принято Высочайшее утвержденное мнение о распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилевскую[21]. На его основании должность городского судьи вводилась во всех городских поселениях, в том числе и в городах Новогрудке, Игумене, Речице, Мозыре, Несвиже и Клецке.

В июне 1901 г. новый министр внутренних дел Д. С. Сипягин направил письмо минскому губернатору, в котором сообщал, что Министерство внутренних дел совместно с Министерством юстиции и Министерством финансов установило окончательный срок введения в Минской, Витебской и Могилевской губерниях Положения о земских участковых начальниках на 1 октября 1901 г. Минское губернское по крестьянским делам присутствие утвердило подробную инструкцию для уездных съездов, волостных правлений и земских начальников по поводу их первоначальной деятельности и открытия новых волостных судов[22].

Министр внутренних дел поручил губернаторам провести торжественные мероприятия по поводу введения новой должности, «дабы всем было видимо, какое значение придается новой реформе»[23]. 1 октября прошла литургия, которую провел епископ Минский и Туровский Михаил. Земские начальники, которые не занимали ранее судейских должностей, были торжественно приведены к присяге. Был отслужен благодарственный молебен с пожеланием долголетия императору и всему царственному дому и открыто губернское присутствие[24].

В октябре начали свою работу уездные съезды. На первом заседании уездного съезда повсеместно были рассмотрены вопросы о назначении сельским обществом числа кандидатов для избрания в волостные судьи, об избрании земского начальника членом уездного по воинской повинности присутствия и об установлении порядка замещения земских начальников во время их отсутствия. Последний и первый вопрос стояли наиболее остро, так как не все земские начальники прибыли к установленному сроку, необходимо было временно их заменить[25].

Таким образом, введение института земских начальников в белорусских губерниях имело ряд особенностей. Новая судебно-административная должность в Витебской, Минской и Могилевской губерниях была введена в 1900 г., а в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях – в 1903 г. Главным затруднением при распространении Положения о земских участковых начальниках на Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии являлось незначительное количество поместного православного дворянства, которое и должно было осуществлять близкую и более эффективную власть над крестьянством. В белорусских губерниях при введении земских начальников отсутствовали органы земского самоуправления. Кроме того, присутствовал более пестрый социальный состав и значительный процент в нем еврейского населения. Эти причины вызвали разногласия в правительстве и отсрочили процесс распространения Положения о земских начальниках на белорусские губернии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 193.
[2] Там же. С. 194.
[3] См.: Кожухар К. Я. Земские начальники // Вестн. права. 1905. № 5. С. 105.
[4] См.: Самбук С. М. Политика царизма в Беларуси во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 98.
[5] См.: НИАБ. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 54. Л. 28.
[6] Там же. Л. 36.
[7] Там же. Л. 42.
[8] Там же. Л. 44.
[9] Там же. Л. 46.
[10] Там же. Л. 49.
[11] Там же. Л. 52.

[12] Там же. Л. 81.
[13] Там же. Л. 92.
[14] Там же. Д. 61. Л. 3.
[15] Там же. Л. 43.
[16] Там же. Л. 57.
[17] Там же. Л. 74.
[18] Там же. Л. 76.
[19] Там же. Д. 65. Л. 6.
[20] Там же. Л. 40.
[21] См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о распространении законоположений 12 июля 1889 года о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилевскую // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1900. Т. 11. С. 762–764.
[22] См.: НИАБ. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 65. Л. 239.
[23] Там же. Л. 355.
[24] Там же. Л. 357.
[25] Там же. Л. 361–366.

Поступила в редакцию 20.01.2014.

Анна Анатольевна Страленя – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени А. Г. Кохановский.

УДК 392.35(=161.3)

Н. М. КАРБАЛЕВІЧ

ТАЛАКА ЯК МАДЭЛЬ ТРАДЫЦЫЙНАГА ГРАМАДСКАГА ДЗЕЯННЯ БЕЛАРУСКІХ СЯЛЯН (другая палова XIX – пачатак XX ст.)

Посвящена исследованию толоки – формы общественного взаимодействия белорусских крестьян. На основе систематизации источников анализируется роль толоки в общественной жизни белорусских крестьян. Работа основывается на методах сравнительного, структурного и функционального анализов. По итогам исследования представлена структурно-функциональная модель толоки как общественного действия. Делается вывод о разнообразии функций толоки; упоминаются ее следующие функции: коммуникативная, социализации, экономическая, поддержания социальной стабильности, игровая, психологическая, брачная и обрядовая. Обозначаются такие структурные элементы толоки, как субъекты, мотив, атрибуты, ситуация, регуляторы, процесс действия, результат, рефлексия; определяются принципы их включения в общую модель толоки и осуществления в реальной общественной жизни белорусских крестьян.

Ключевые слова: толока; крестьянская община; громада; общественные взаимоотношения; формы общественного взаимодействия; социальная реальность; модели поведения.

The article is devoted to the study of talaka – a form of social interaction of Belarusian peasants. The role of talaka in the social life of Belarusian peasants is analyzed on the basis of systematization of sources. The research work is based on the method of comparative analysis method, structural analysis and functional analysis method. According to the research the structural and functional model of talaka as social action is presented. It is concluded that the functions of talaka were diverse; the following functions of talaka are mentioned: communicative function, the function of socialization, economic function, the function of maintaining social stability, game function, psychological function, wedding function, ceremonial function. The structural elements of talaka are denoted as the subjects, the motive, the attributes, the situation, the regulators, the process of action, the result, the reflection; the principles of inclusion of these structural elements in the general model of talaka and the role of these elements in a real social life of Belarusian peasants are defined.

Key words: talaka; peasant community; gramada; social relations; forms of social interaction; social reality; patterns of behavior.

Ва ўсе часы ўмовы сумеснага існавання калектываў людзей вымагалі стварэння традыцыйных мадэляў паводзін, якія забяспечвалі б максімальны ўзровень сацыяльнага камфорту. У асяродку беларускага сялянства сацыяльна пажаданыя алгарытмы паводзін натуральным чынам вынікалі з асаблівасцей вясковага жыцця. Адной з найбольш распаўсюджаных мадэляў грамадскага дзеяння з’яўлялася такая форма грамадскіх узаемаадносін, як талака, характарыстыкі якой вылучаюцца паводле скіраванасці дзеянняў, зместу і формы існавання, сацыяльнага складу ўдзельнікаў.

Англійскі антраполаг, заснавальнік структурнага функцыяналізму А. Р. Радкліф-Браўн прыйшоў да высновы, што сацыяльнае жыццё супольнасці вызначаецца як функцыянаванне сацыяльнай структуры, а функцыя ўсялякай дзейнасці, што паўтараецца, ёсць тая роля, якую гэтая дзейнасць адыгрывае ў сацыяльным жыцці ў цэлым, а таксама ўнёсак, які яна робіць у падтрыманне непарыўнасці структуры[1]. Менавіта з гэтай пазіцыі асаблівую цікавасць выклікае аналіз структуры і функцый традыцыйнай для беларускага сялянства формы грамадскіх узаемаадносін – талакі. У дадзеным пытанні паняцце аб функцыі таксама цягне за сабой паняцце аб структуры, якая падтрымліваецца працэсам жыцця і забяспечваецца ўзаемадзеяннем складовых адзінак[2].

Паводле А. Р. Радкліфа-Браўна, характар сацыяльнай структуры павінен апісвацца праз мадэлі паводзін, у адпаведнасці з якімі індывіды і групы імкнуцца будаваць свае ўзаемаадносіны; гэтыя мадэлі часткова фармалізаваныя правіламі, якія ў грамадстве вызначаюцца як нормы этыкету, маралі і права[3]. У дадзеным даследаванні была здзейснена спроба акрэсліць аспекты сацыяльнай структуры формы грамадскіх узаемаадносін на падставе вылучэння ўмоўнай мадэлі паводзін падчас пэўнага калектыўнага грамадскага дзеяння беларускіх сялян, а менавіта талакі. Паняцце аб функцыі такога дзеяння выкарыстана для пазначэння ўзаемасувязі паміж сацыяльнай структурай і працэсам грамадскага жыцця[4]. Б. Маліноўскі наступным чынам характарызуе сутнасць гэтага паняцця: «Функцыя заўсёды